

Показывая большие изменения в хозяйственной и культурной жизни рутульцев за годы советской власти, Л. И. Лавров в то же время отмечает и консервативные стороны жизни народа, проявляющиеся наиболее заметно в области быта. Нельзя не согласиться с автором, что «тохум» и сейчас активно вмешивается в семейные отношения и ставит интересы тохумной организации выше интересов общественных. Борьба общественности с такими проявлениями необходима и закономерна.

«Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» М. О. Косвена — третья и последняя часть его обширной работы⁴. Она охватывает период 80-х, 90-х годов XIX в. и 1900-х годов. В особой главе ее собраны дополнения к первым двум частям. Основные итоги обзора материалов изложены М. О. Косвеном в заключении. К работе приложен указатель имен авторов, упоминаемых во всех трех частях работы, и названий периодических и серийных изданий.

Поскольку опубликованные первые две части этой работы уже вызвали весьма положительные отзывы, остается только повторить, что эта очень ценная работа стала настоящим пособием кавказоведов. Но одновременно этот труд немало пользы может принести и историкам, и литераторам и вообще всем, кто так или иначе связан с кавказоведением.

Подчеркнем, что, с нашей точки зрения, особую ценность имеют личные и биографические сведения, сообщаемые почти обо всех авторах, упоминаемых в работе. Сведения эти собраны из самых разнообразных источников и должны были потребовать громадного труда. Работа М. О. Косвена — ценный материал по истории этнографии Кавказа; на основе его может быть написана подлинная история этнографии, которая, по нашему мнению, должна быть дана не в целом по Кавказу, а по отдельным его народам.

Поскольку пользование этой работой по трем ее частям, напечатанным в различных сборниках, затруднено, и поскольку эти сборники выпущены различным тиражом (I сборник — 2000, II — 1200, III — 1500 экз.), крайне желательно, чтобы М. О. Косвен соединил все эти части, разместил по своим местам те дополнения, которые он вводил во вторую и третью части, и эта работа была бы издана в виде отдельной книги.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что третий выпуск «Кавказского этнографического сборника» интересная и ценная книга. Нам остается присоединиться к словам Л. И. Лаврова, рецензировавшего второй выпуск этого сборника: «Желательно, чтобы в дальнейшем не было столь длительных задержек в издании следующих выпусков этой серии».

Г. Сергеева

О Кавказском этнографическом сборнике. III. По поводу статей рецензируемого третьего Кавказского этнографического сборника хочется добавить еще следующее.

В статье В. П. Кобычева «Крестьянское жилище Азербайджана в XIX в.» нет описания селений и жилищ азербайджанцев Апшеронского полуострова, а ведь своеобразие этого района создало свои особенности строительной техники и архитектуры.

В исторической справке об Азербайджане автор пишет: «Социально-экономические отношения в деревне были сложными и до 70-х годов развивались в условиях сохранения сельской общины» (стр. 7). Однако несомненно, что сельская община сохранялась и в пореформенный период, несмотря на усиление процесса имущественной дифференциации и захват общинных земель с правом подворно-наследственного пользования.

Далее автор отмечает, что «сельская община владела всей пахотной землей, выгонами и местными оросительными сооружениями» (стр. 7). Это не совсем правильно, так как сельская община в пореформенный период уже не владела всей пахотной землей, часть ее находилась в частном пользовании, другая — в подворно-наследственном с правом продажи и только часть в общинном владении. Кроме этого, община владела покосами и пастбищами.

При чтении работы создается впечатление, будто на протяжении всего XIX в. крестьянское жилище в Азербайджане не претерпело никаких изменений. Однако несомненно, что в конце XIX в. появились новые черты в планировке, интерьере, технике строительства и т. п.

Вызывает сомнение написание и транскрипция некоторых терминов: мухур (мюхюр), оджахзада (оджахзаде), каракеча (каракече), ковуз (ховуз), дая (дейе), чап-лых (гапылыг) и т. д.

В работе Б. А. Калоева «Агулы» (историко-этнографический очерк) содержатся некоторые интересные детали, неизвестные в литературе и не встречающиеся у других народов Дагестана (например, так называемые тохумные кухни).

В историческом очерке, предпосланном этнографическому описанию, имеются не-

⁴ Первые две части этой работы были опубликованы в первом и втором выпусках Кавказского этнографического сборника.

которые неточности. Так, на стр. 73 автор пишет: «Как показывают памятники материальной культуры, в частности куфические надписи, агульские села... появились еще задолго до завоевания Дагестана арабами». Во-первых, неясно, какие памятники материальной культуры доарабского времени автор имеет в виду. Во-вторых, непонятно, каким образом арабские куфические надписи могут свидетельствовать об исторических событиях в Дагестане до арабского завоевания.

Известные публикации агульских куфических надписей в переводах Л. И. Лаврова, не содержат никаких сведений из истории агулов до середины VIII в.⁵ К тому же мы не знаем в Дагестане датированных куфических надписей VIII—IX вв. Самая ранняя из них относится к X в. Это надпись из сел. Кочхюр Курахского района. Л. И. Лавров переводит ее следующим образом: «Стала крепкой в году триста и ...»⁶. Надпись явно посвящена строительству какого-то сооружения.

Хронологические рамки распространения куфического письма, указываемые Б. А. Калоевым (VIII—XIV вв.), не соответствуют действительности, так как смена куфи почерком насхи произошла уже с середины XIII в.⁷

При описании сельской общины автор несколько стирает историческую перспективу. Ведь сельская община прошла ряд стадий в своем развитии и в конце XIX в. она существенно отличалась от общины, например, XVII в. Автору нужно было показать трансформацию сельской общины и системы общинного землепользования или же ограничить описание концом XIX — началом XX в.

Нельзя согласиться с автором, будто тохум образовался в процессе распада больших семей (стр. 9), так как в действительности шел процесс распада тохума и выделения более мелких родственных коллективов.

В работе иногда чувствуется стремление автора подчеркнуть особенности агульской культуры и быта, якобы существенно отличающие агулов от других народов Дагестана. Так, на стр. 36 отмечается особый агульский орнамент, но он характерен для всей группы народов Южного Дагестана. Описывая жилище закрытого типа (стр. 88), автор указывает, что оно сохранилось, в основном, только у агулов, однако оно известно и у других народов, например, у рутульцев, лакцев, тиндалов, багулалов, аварцев Чародинского района и др. Существующие отличительные детали в культуре агулов очень незначительны и представляют собой скорее отличия территориальные, когда в пределах одной этнической общины могут существовать локальные варианты культуры.

Работа Л. И. Лаврова «Рутульцы в прошлом и настоящем» посвящена мало изученной народности Южного Дагестана. Как указывает автор, на рутульцев издавна оказывали большое влияние культура, быт и язык азербайджанцев. Отсюда некоторое своеобразие путей развития рутульцев. Этой теме в работе посвящен специальный раздел, представляющий несомненный интерес. Однако автор характеризует степень этнической общности рутульцев преимущественно до революции, мало касаясь путей развития этого народа в современных условиях. Новыми представляются приводимые Л. И. Лавровым данные о раннем феодализме у рутульцев, что особенно важно при существовании тенденции к архаизации общественного строя горских народов некоторыми исследователями.

В разделе, посвященном дореволюционному прошлому, автор уделяет большое внимание политической и социальной истории рутульцев, в меньшей степени касаясь их культуры и быта. В последующих главах работы отмечаются изменения всех сторон жизни рутульцев.

Статья читается с большим интересом. Но именно при такой насыщенности доброкачественным и новым материалом бросаются в глаза общие фразы о существовании трудовой взаимопомощи, кровной мести, униженного положения женщины до революции, не создающие у читателя конкретного представления.

Нет необходимости доказывать, какую ценность для этнографов представляет заключающее сборник исследование М. О. Косвена «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке». Материалы, расположенные по народам и географическим областям, дают широкую картину социального строя, хозяйства, культуры и быта народов Кавказа. Каждый хронологический раздел завершается краткими выводами. Центральное место в выводах занимает проблема общественного строя народов Северного Кавказа.

Рассматриваемый автором вопрос о сущности терминов «тохум», «фамилия», «тайпа» и трансформации этих пережиточных институтов при феодализме — один из инте-

⁵ Л. И. Лавров, Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции, «Сборник МАЭ», XVII, М.—Л., 1957; его же, Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции (статья вторая), «Сборник МАЭ», XVIII, М.—Л., 1958; его же, Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции (статья третья), «Сборник МАЭ», XIX, М.—Л., 1960.

⁶ Л. И. Лавров, Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции (статья вторая), стр. 324, 325.

⁷ Там же, стр. 324.

реснейших и мало исследованных вопросов этнографии Кавказа. Несколько спорным представляется утверждение М. О. Косвена, будто «тохум» и «фамилия» являются патронимическими группами. Нам кажется, что «тохум» и «фамилия» — это категории, охватывающие более широкий круг родственников, чем патронимия.

В работе правильно отмечается, что существование данных родовых институтов не означало наличия у горских народов родового строя. В пользу нашего предположения говорят некоторые материалы, собранные во время поездки в Дагестан в 1959 и 1960 гг. Так, все зафиксированные нами 20 тохумов с Гагатль (андийцы) делились на «гъакъу» (буквально «дом»), которые подразделялись на «гъакъульгъал адам», т. е. «людей из этого дома». Каждый «гъакъульгъал адам» состоял из отдельных семей. Например, тохум Гъажикъулал состоял из трех «гъакъу»: Хамаммадир, Муртазалир и Болачир. «Гъакъу» Хамаммадир делился на три «гъакъульгъал адам», Муртазалир — на восемь, Болачир — на пять. Тохум Хъачилал делился на четыре «гъакъу». Уникъолал, Айшатилал, Жаммекилал и Моллачиливлал, которые в свою очередь также делились на «гъакъульгъал адам».

Даже из этих небольших примеров видно, что именно «гъакъульгъал адам» является родственным коллективом типа патронимии, тогда как тохум большей частью означает более широкий родственный коллектив.

Н. Волкова

Мифологические сказки и исторические предания энцев. Записи, введение и комментарии Б. О. Долгих. М., 1961, 243 стр.; *Бытовые рассказы энцев.* Записи, введение и комментарии Б. О. Долгих. М., 1962, 244 стр.; Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия, тт. LXVI и LXXV.

Выход в свет двухтомного собрания народного творчества энцев в записях Б. О. Долгих — большое достижение этнографии Севера. Книги эти безусловно привлекут внимание широкого круга фольклористов, интересующихся ранними формами повествовательного искусства. Фольклор энцев почти не публиковался; очень мало серьезных публикаций фольклора и других самодийских народностей.

Записи Б. О. Долгих сделаны не на энецком, а на русском языке, с передачей местных лексических особенностей так, как рассказывали ему Р. А. Силкин и другие энцы. Это, конечно, несколько затрудняет анализ жанрового своеобразия энецкого фольклора. Однако это искупается редким богатством фольклорного материала и необыкновенно точным и обстоятельным этнографическим комментарием, содержащим важные новые научные выводы. Весьма полезны приложения в конце второго тома указатели, особенно «Указатель названий родов, управ (волостей), племен, фамилий» (стр. 232—235) и карта местностей, упоминаемых в фольклоре энцев, в первом томе. С этой точки зрения собрание материалов по энецкому фольклору Б. О. Долгих можно сравнить только с классическими публикациями Штернберга, Богораза и Йохельсона по палеоазиатам.

Ценность текста как этнографического источника была, по-видимому, основным критерием при записи материала и отборе его для публикации. Б. О. Долгих удалось максимально использовать помещенные в обоих томах тексты для выяснения сложных этнографических процессов, истории отдельных родов и племен, принимавших участие в формировании энецкой народности, особенностей родовой организации, различных территориальных и исторических форм хозяйства энцев, их оригинальной мифологии и обрядов, своеобразных черт шаманизма, культа «шайтанов», истории взаимоотношений с ненцами, нганасанами, эвенками и русским населением Севера. Благодаря жанровому разнообразию и прекрасному научному комментарию, собрание Б. О. Долгих дает чрезвычайно разностороннее живое представление о быте энцев, смене его форм, локальных его вариантах, исторической психологии, вплоть до мельчайших оттенков.

Не будучи специалистом-североведом, я в настоящей рецензии коснусь далее только жанрового состава энецкого фольклора, как он представлен в собрании Б. О. Долгих.

Исключительный интерес представляет первый раздел первого тома — «Мифологические сказки». Сам термин «мифологические сказки» звучит несколько парадоксально, поскольку большинство классификаций архаического фольклора прежде всего противопоставляет миф и сказку, и это совершенно правильно. Однако к приведенным в данном разделе сказаниям действительно подходит такое название. В разделе даны различные образцы древнего мифологического эпоса энцев, чрезвычайно насыщенного сказочными мотивами. Реконструкция более ранних, первоначальных жанровых форм и сюжетов затруднена не только тем, что записи сделаны на русском языке. В еще большей мере следует учитывать сложность этногенеза энцев и влияние фольклора как ненцев, так и нганасан, а также незавершенность мифологической системы в сочетании с далеко зашедшим разрушением древних мифов.